

УДК82-3.09(045)

Светлана Бесчѐтнікова

ЭТИОЛОГИЯ ЖАНРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В академическом литературоведении преобладает точка зрения, что жанр переносит из века в век свой генетический код, «жанровую матрицу [1, с. 55]», «жанровую сущность [2, с. 324]», «совокупность доминант [3, с. 207]», «жанровую доминанту [4, с. 67]», «память жанра [5, с. 122]», «устойчивое ядро [6, с. 28]». Начиная с эпохи романтизма, в литературоведении развивается и альтернативная точка зрения, которая отстаивает тезис размытости жанровых границ и отсутствия устоявшихся жанровых форм. Действительно, некоторые жанры оказываются настолько изменчивыми, что постоянная составляющая в них является незначительной, её можно не учитывать, «расплываются прежние жанровые границы, исчезает жанровая определенность [7, с. 66]». Представители современного структурализма и постструктурализма высказывают идеи о девальвации жанровых форм, стремясь свести их к категориям «письмо» и «текст».

Таким образом, вывод профессора Стефании Скварчинской о том, что многочисленные попытки теоретиков Запада создать современную жанровую систематику «образуют картину интегрального хаоса [6, с. 12]», остается актуальным. Учитывая аксиоматический тезис о том, что жанр совмещает константные и релевантные признаки, концептуально важным является ответ на вопрос, какие литературные и внелитературные факторы влияют на формирование и трансформацию жанров в большом историческом времени? Что предопределяет жанровые трансформации в динамике культуры? Цель данной статьи – проанализировать теоретические концепции жанрообразования и жанровых трансформаций с помощью описательного, сравнительного, историко-типологического методов. Для её достижения необходимо решение следующих задач: систематизировать подходы к дефиниции и типологии канонических и неканонических жанров; обобщить признаки, определяющие константные жанровые элементы; показать механизмы трансформации на примере жанра литературной утопии.

Уникальной методологической концепцией, которая может претендовать на роль интеграционной основы для самых противоречивых генологических построений, является теория жанра М. Бахтина. От базовых положений бахтинской теории отталкиваются в своих выводах Н. Тамарченко, Н. Копыстьянская, Б. Иванюк, В. Головки, Р. Шлайфер, Р. Леблан, С. Томсон и другие исследователи, указывая на её продуктивный характер. С одной стороны, бахтинская теория позволяет снять сформировавшееся в современной генологии противоречие и установить взаимосвязь между дифференциально противоположными интерпретациями слова «жанр». Таким образом, кодифицированные Ц. Тодоровым «исторические» и «теоретические» жанры [8, с. 16]» через бахтинскую идею «двойкой ориентации жанра» (в

«тематической действительности» и в «действительности читателя») могут быть рассмотрены в качестве идеальных моделей и их конкретных проявлений в динамике литературы. Бахтин проясняет своё понимание с помощью метафорических аналогий, наделяя жанр «жизнью», «переживанием расцвета, упадка и возрождения», «памятью о прошлом». Во-вторых, Н. Тмарченко справедливо отмечает, что, созданная Бахтиным теория «трехмерного конструктивного целого» синтезирует все три традиции европейской поэтики [9, с. 17]» понимания жанра как проявления дискурсов социальных порядков в конкретной жизненной ситуации, художественной экспликации определённого мирозерцания, специфического пространства диалога автор-читатель. Учёным они описаны как различные аспекты многогранного «типа целого художественного высказывания». В-третьих, бахтинская теория в своей универсальности позволяет выработать общие критерии сравнения канонических и неканонических жанров на основе корреляции понятий «канон»/ «внутренняя мера жанра». В-четвёртых, обобщающая эстетика жанра М. Бахтина учитывает единство рационального и эмоционального в природе жанра. В-пятых, идея диалогизма, основанная на диалогическом движении познания и понимания, во многом способствовала смене доминирующих представлений о жанре как системе признаков на современную интерпретацию жанра как формы литературной конвенции, что получило активное развитие в трудах представителей структурализма и рецептивной эстетики.

В центре бахтинской интерпретации жанрообразования и жанровых трансформаций стоит проблема взаимоотношения стиля и мировоззрения. Учёный отмечает, что жанры «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и раскрывают сложную проблему взаимодействия языка и мировоззрения [10, с. 251]». В жанрах художественной литературы, по Бахтину «вторичных» жанрах суть «формообразующих идеологиях», индивидуальный стиль входит в задание высказывания, является его целью, представляя разные возможности для выявления индивидуальности.

Н. Копыстьянской предложен системный анализ мировоззренческих основ жанра, охватывающий многоуровневость этой категории на основе ее структуризации. По степени абстрактности и конкретности Н. Копыстьянская условно разделяет четыре сферы понятия жанр: абстрактную, историческую, конкретно-национальную, индивидуальную. В концепции учёного выделены такие составляющие, влияющие на трансформацию жанров, как: представления о прекрасном и полезном, влияние межжанровых взаимодействий, связь литературы с другими видами искусства, отношение к традиции и социально-историческим условиям. Эти процессы, по мнению учёного, «находятся в постоянном развитии» [6, с. 47].

Н. Тамарченко считает, что структура жанров канонических, восходит к «вечным образцам», «произведения неканонических жанров не строятся с ориентацией на готовые, унаследованные формы художественного целого [9, с.18]». Каждая историческая эпоха актуализирует признаки, связанные с местом и функциями жанра в жанровой системе своего времени, что позволяет дифференцировать различные инварианты одного и того же жанра.

Р. Шлайфер, анализируя бахтискую эстетику жанра, сравнивает её с концепциями Р. Якобсона и В. Беньямина. Указывая на обобщающий характер теории М. Бахтина, он выделяет в работах учёных определяющие для процессов жанрообразования и жанровых трансформаций категории. Это, прежде всего, представления о **ценности и художественности**. Шлайфер через идеи Бахтина фактически совместил подходы традиционной поэтики и рецептивной эстетики в характеристике жанра. При этом в его работе акцентировано внимание на значимости эстетического содержания жанра, описанного учёными в весьма абстрактных и неконкретных понятиях «социально-этического представления «ауры» (В. Беньямин)», «сциентистско-структурального понятия «поэтичности» (Р. Якобсон) «эстетики» (М. Бахтин), подчеркивая «существование не только рационального, но и чувственного в его природе [11, с. 76]».

Исходя из доминирующей роли мировоззренческих установок и стилового контекста в процессах жанровых трансформаций, отметим когерентность выявленных в научной рецепции признаков. Мировоззрение и стиль эпохи существуют в неразрывном единстве, как содержание и форма, и выражают себя в ценности и художественности, что прослеживается даже в повседневной связи процессов мышления и речи. При расширении круга факторов, детерминирующих процессы жанрообразования и жанровых трансформаций, следует учитывать эмоционально-образное содержание дискурсов социальных порядков, дистрибуции систем различий, разграничений, дистинкций, идентичности, которые оказывают влияние на иерархическое соотношение константных и релевантных признаков в «строгих» (канонических) и «свободных» (неканонических) жанрах. Например, на возникновение анекдота больше всего будет влиять стиловый фактор, чего нельзя сказать о романе. Достаточно стойкое жанровое ядро имеют комедия, фарс, сатира в отличие от рассказа, повести и других жанров, которые хранят минимум постоянных признаков.

Итак, какие факторы влияют на превращение речевого высказывания в произведение искусства, «первичных речевых жанров» во «вторичные литературные», совмещая познавательное-этическое и эстетическое в системном единстве? Что оказывает доминирующее влияние на процессы возрождения и обновления формально-содержательных единств разных уровней? На решение этих проблем будут влиять несколько причин. Во-первых, ответ на поставленный вопрос будет иметь характер широкого обобщения, потому что эпические, драматические и лирические жанры имеют

свою специфику. Во-вторых, он будет отражать стремление исследователей в области генологии совместить рациональное и иррациональное в толковании категории «жанр». Например, Шлайфер, опираясь на весьма авторитетные теории жанра, справедливо настаивает на необходимости избавиться в методологических подходах от крайностей как просветительского рационализма, так и постмодернистского мистицизма [11, с. 94]. В-третьих, понимая, что «ценность изменчива» и имеет конкретно-исторический характер, не следует забывать, что для её постижения очень важна проблема перехода рубежа, а именно: преодоления границы между поколениями, историческими эпохами, автором и читателем для осуществления сотворчества. Поэтому «культурная ретрансляция» является встречей в историческом времени определенного тематического высказывания с социальным спросом в конкретно-эстетической художественности жанра, причем в каждом писателе «жанровая традиция обновляется по-своему, то есть неповторимым образом [12, с.81]». На неё оказывает влияние *Zeitgeist* – дух времени.

В динамике культуры изменяются жанровые системы и их иерархический статус, структура жанров, характер их взаимоотношений и функции, которые они выполняют в зависимости от востребованности в определённом социокультурном контексте, при сохранении определённых закономерностей развития генерики. Исследование жизни жанра предполагает изучение его модификаций и разновидностей. Уточним, что под модификацией мы будем понимать то формально-содержательное единство, которое является «следствием эластичности жанра [6, с. 16]». В дефиниции категории «жанровой разновидности» основываться на концептуальных положениях теорий А. Ткаченко, С. Скварчинской, Н. Утехина, Н. Копыстьянской, которые рассматривают жанровую разновидность как новообразование с чертами в чём-то отличающимися от общего понимания жанра, при этом отождествляя понятия «жанровая разновидность» и «тип» [6, с. 18].

Исходя из вышеизложенных теоретических обобщений, раскрывающих закономерности бытования литературных жанров в большом историческом времени (рождение, трансформацию и смерть в пространстве культуры), и историко-литературных наблюдений, покажем трансформационные механизмы на примере литературной утопии. Данный жанр следует отнести к «строгим» (каноническим) вариантам жанровой формы, способным породить новые модификации. Как продукт социокультурной парадигмы Нового времени, утопический жанровый канон базируется на приоритетных мировоззренческих установках эпохи Просвещения и стилевом контексте эйдетической поэтики, в период господства которой происходит, как мы уже отмечали выше, формирование жанрового мышления. Господство категории «тема» сменяется в этот период доминированием категории «жанр», что даёт основания современным исследователям, опираясь на данные закономерности развития исторической поэтики, вполне справедливо определять утопию как «одну з найдавніших тем у світовому фольклорі та літературі [13, с. 582]». Но в

динамике культуры этот жанр художественной литературы обнаруживает варьирование тематики, что отражается в названиях утопических сочинений **XVII** века «Город Солнца» Т. Кампанеллы (1602), «Новая Атлантида» Ф. Бэкона (1619), «Христианополис» И. Андреа (1619), «Описание старого королевства Макарии» С. Хартлиба (1641), «Океания» Д. Харрингтона (1656), «Иной свет, или Государства и империи Луны» Сирано де Бержерака, «История севарамбов» Д. Вераса (1675-1679); в **XVIII** веке – «Робинзон Крузо» Д. Дефо (1719), «Приключения Гулливера» Д. Свифта (1726), «Расселас, принц Абиссинский» С. Джонсона (1759), «Кандид, или Оптимизм» Вольтера (1759), «Эмиль или О воспитании» Руссо (1762), «Дикарь» Луи Себастьяна Мерсье (1767); в **XIX** – «Путешествие в Икарию» Э. Кабе (1840), «Будущая раса» Е. Булвер-Литтона (1871), «Через сто лет» Э. Беллами, романы Уэллса и др).

В социокультурной ситуации XX века новая стилевая доминанта современности формировалась в условиях роста роли техники, средств массовой коммуникации и знаковых систем. Изменение ядра предшествующей культурной доминанты определено кризисом больших утопий, в частности, технологически-эволюционной и революционной моделей социального развития. Ж.-Ф. Лиотар, Дж. Батлер, У. Эко, П. Рикер, Ю. Хабермас, Б. Джонсон для характеристики структурно-семантической специфики постмодернистской поэтики использовали параметры «антиутопизма» и «постутопизма». Выяснению места утопии в постмодернистской парадигме художественности уделяли внимание такие российские и белорусские исследователи, как М. Эпштейн, А. Любимова, О. Кривцун, И. Скоропанова.

Помимо социально-исторических условий подверглись существенным изменениям факторы внутрикультурного, внутрилитературного развития. Подчеркнём, что эмоционально-образное содержание дискурсов социальных порядков, дистрибуций систем различий, размежеваний, дистинкций, идентичности определяют мировоззренческие установки и стилевой контекст. Последние рассматриваются нами как доминантные критерии, детерминирующие жанровую трансформацию. Отметим, что многовекторность постмодернистского движения от «культуры к культурам» проявляется, прежде всего, в аксиологической плоскости, которая оказывает влияние на жанровую модальность утопии. Изначально в утопии особая роль принадлежит не столько художественному, сколько социальному дискурсу, а эстетический идеал часто подменяется идеалом социально-нравственным, выступающим в роли коррелята действительности. Утопия – жанр с ярко выраженной жанровой модальностью, акцентированной на ценностных установках эпохи. Это проявляется в утверждающем пафосе, который сохраняется как матричный признак на протяжении всей его исторической жизни. Внеиерархический образ мира, создаваемый полифонией культур, в ситуации постмодернизма характеризуется активным деструктивным началом и открытой

аксиологической многополярностью, что оказывает влияние на жанровую модальность. В сформировавшемся противоречии между функциями нового искусства и прежней жанровой системой данные факторы оказывают определяющее влияние на трансформацию жанрового канона литературной утопии. Поэтому неклассическое искусство не смогло принять утопический жанр неизменным, и не породило ничего другого, кроме антиутопии. Являясь «структурой субъективности, воплощённой модернизмом [14, с.251]», антиутопия «одежда утопию» в одежды сатиры, пародии, карикатуры, сарказма, травестии, обретя новый пафос отрицания. На уровне художественного целого произошёл процесс контаминации. Он образовал двучастную структуру антиутопического текста, сменив его идейно-тематические акценты. Произошло усиление субъективного начала при воспроизведении экзистенциального опыта. Антиутопическая жанровая модальность стала выражением персонифицированного присутствия автора в тексте повествования. Возросла и роль эстетической составляющей, к которой столь внимательно неклассическое искусство.

Литература

1. Иванюк Б. Основные категории теоретической истории жанра / Б.Иванюк // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики: Материалы X международной научной конференции 19 – 21 сентября 2004 г.: В 2-х ч. – Гродно: ГРГУ. – 2005. – Ч. 1. – С. 55 – 57.
2. Хализев В. Теория литературы / В. Хализев. – М.: Высшая школа, 1999. – 398 с.
3. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
4. Лейдерман Н. Л. Современное зарубежное литературоведение об истории жанровой проблематики / Н. Л. Лейдерман // Проблема жанра в зарубежной литературе. – Свердловск, 1979. – Вып. 3. – С. 124 – 128.
5. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского /М. М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1972. – 470 с.
6. Копистянська Н. Жанр, жанрова система у просторі літературознавства: Монографія / Н. Копистянська. – Львів: ПАІС, 2005. – 368 с.
7. Markiewicz N. Głowne problemy wiedzy o literaturze/ N. Markiewicz. – Krakow: Wyd. Literackie, 1966. – 398 s.
8. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 144 с.
9. Тмарченко Н. Д. Жанр / Н. Д. Тмарченко // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по обществ. наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – С. 264 – 265.

10. Бахтин М. М. Дополнения и изменения к Рабле / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. / Ин-т мир. лит. им. М. Горького РАН. – М.: Русские словари, 1997. – Т. 5: Работы 1940-х – нач.1960-х. – 732 с.

11. Шлайфер Р. Обобщающая эстетика жанра: Бахтин, Якобсон, Бенъямин / Р. Шлайфер // Вопросы литературы. – 1997. – № 2 (март-апрель). – С. 76 – 101.

12. Леблан Р. В поисках утраченного жанра: Филдинг, Гоголь и память жанра у Бахтина / Р. Леблан // Вопросы литературы. – 1998. – № 4. – С. 81 – 117.

13. Лексикон загального та порівняльного літературознавства / За ред. А. Волкова. – Чернівці: Золоті літаври, 2001. – 633 с.

14. Пигулевский В.О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму/ В. О. Пигулевский. – Ростов на Дону.: Фолиант, 2002. – 418с.

ЕТИОЛОГІЯ ЖАНРОВИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ

Безчотнікова Світлана Володимирівна

Статтю присвячено аналізу факторів, що впливають на жанроутворення та жанрові трансформації в динаміці культури. Розгляд сучасних генологічних концепцій дозволив виявити визначальну роль суспільних уявлень про цінність та художність та їх кореляти в теоріях Б. Томашевського, М. Бахтіна, Н. Лейдермана, Ц. Тодорова, Р. Шлайфера, Н. Копистянської, Б. Іванюка. Трансформаційні механізми показані на прикладі утопічного жанрового канону.

Ключові слова: жанровий канон, жанрова модальність, трансформації, парадигма, дискурс.

ЭТИОЛОГИЯ ЖАНРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Бесчётникова Светлана Владимировна

Статья посвящена анализу факторов, влияющих на жанрообразование и жанровые трансформации в динамике культуры. Рассмотрение современных генелогических концепций позволил выявить определяющую роль общественных представлений о ценности и художественности и их корреляты в теориях Б. Томашевского, М. Бахтина, Н. Лейдермана, Ц. Тодорова, Р. Шлайфера, Н. Копыстянской, Б. Иванюка. Трансформационные механизмы показаны на примере утопического жанрового канона.

Ключевые слова: жанровый канон, жанровая модальность, трансформации, парадигма, дискурс.

AETIOLOGY OF GENRE TRANSFORMATIONS

Bezchotnikova Svitlana Volodimirivna

Article describes factors which influence genre formations and transformations in culture dynamics. The analysis of modern genologic concepts had

allowed showing the defining role of public representations about value and artistry and their correlates in B. Tomashevsky, M. Bakhtin, N. Lejderman, T. Todorov, R. Shlafjer, N. Kopistjanska and B. Ivanjuk theories. Transformation mechanisms are shown on an example of utopian genre canon.

Key words: genre canon, genre modality, transformations, paradigm, discourse.

УДК 821.161.2-31.09+929 Мосендз

Олена Бровко

**ПРОСТА ФОРМА ЯК ІНТЕРТЕКСТ ПОВІСТІ Л. МОСЕНДЗА
«ЗАСІВ»**

*Так, закликаю їх усіх! Оповідачів фаблію, ле
і мораліте, складачів жартівливих п'єс,
чортівні й веселих словесних суперечок,
жонглерів і старих гаальських казкарів: я їх
покличу і кину їм виклик! Хай вони прийдуть і
признаються, що їхня весела наука нічого не
варта в порівнянні з різноманітним і складним
мистецтвом наших сучасних оповідань.*

Анатоль Франс

У літературознавстві сьогодення аспекти архітектоніки та композиції художнього твору залишаються маркованими суперечностями, адже кожен новий конкретний художній приклад пропонує свої версії, що відходять до стилю, індивідуального творчого пошуку митця, нових художніх векторів тієї чи іншої епохи. На стику цих «провокацій» постає мистецький експеримент, що балансує на межі жанр / прийом. Сучасні дослідження оповіді спираються на фундаментальні напрацювання попередників і відзначаються множинністю методологічних підходів. Аналіз структурних елементів прози апелює до досвіду семіотики та наратології. При дослідженні взаємодії двох текстів актуальним постає методологічний принцип ізоморфізму, що передбачає відповідність між елементами й виразно виявляється в текстах, де два повідомлення за допомогою взаємного накладання включені в єдину структуру [1]. Культуролог М. Ямпольський наголошує на «підвищеному градусі» структурної схожості двох текстів: такого, що обрамляє, та інкорпорованого, і такі зв'язки органічно вписуються в парадигму теорії інтертекстуальності. Актуальність та водночас дискусійність проблеми окреслює сучасна дослідниця жанрової системи Т. Бовсунівська: «Інтертекстуальна властивість жанру сьогодні стала принципом мистецтва. Фрагмент жанру в іншому жанрі – найпоширеніша форма трансплантації та оновлення жанрових структур. Можна вирізати включені жанри як самостійні, проте проблематичним у